УДК 316.624.2-055.1 + 316.624.2-055.2 + 316.644:612.6.06

А. В. Гизуллина
Д. А. Акылбекова
Н. И. Бакушкина

АНДРОГИНИЗАЦИЯ И АСЕКСУАЛИЗАЦИЯ КАК ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье обсуждаются две тенденции, все заметнее проявляющиеся в психологической сфере современного человечества, — асексуализация и андрогинизация. Первая тенденция связана с добровольным отказом от секса в сфере близких межличностных отношений. Причем это характерно для людей в активном репродуктивном возрасте, что может оказывать существенное влияние на демографию современного человечества. Вторая проявляется в исчезновении достоверной специфической разницы между среднестатистическими выборками мужчин и женщин, в выявлявшихся ранее особенностях сочетания их гендерных характеристик. Теоретические предположения о возможных причинах данных явлений, дополняется практическим исследованием их выраженности, проведенном на случайной выборке, состоящей из 56 гетеросексуальных пар. Обе указанные тенденции, каждая в своей мере, проявились в обследованной выборке.

Ключевые слова: андрогинизация, асексуализация, маскулинность, феминность, асексуал, сексуальные отношения, эротизация, унисекс, добрачные отношения.

Особенностью современного общества является стремительно прогрессирующее взаимопроникновение двух начал — маскулинного и феминного, в котором культура выступает особой синтезирующей силой, формирующей новое гендерное и сексуальное поведение, новые стереотипы взаимного восприятия партнеров и их отношения друг к другу.

Создавая разнообразные стереотипы и установки на психологическом уровне, культура выступает одним из основных источников прямого влияния на общественные и семейные традиции и нормы. Эти клише, в свою очередь, проявляются в «культурально обусловленных сексуальных комплексах, мифах, блокирующих или иногда причудливо изменяющих чувственные отношения, а также в откровенных нарушениях сексуального здоровья» [12, *25*].

© Гизуллина А. В., Акылбекова Д. А., Бакушкина Н. И., 2015

Сексуальные комплексы — это осознаваемые человеком переживания собственной (не)состоятельности и (не)адекватности на почве восприятия секса и сексуальных партнеров. Подобные комплексы, на наш взгляд, характерны не только для невротиков, но и вообще для статистически достоверного большинства людей, оказавшихся под влиянием потребительской рекламы, которая, в свою очередь, направлена на использование стремления человека, с одной стороны, выделиться из толпы, а с другой — быть «не хуже других» и «вписаться в требования времени». Цель одного из бурно продвигающихся сегодня дискурсов — всеобщее усреднение, которое, возможно, находит свое проявление в андрогинизации и асексуализации. Рассмотрим каждый из этих феноменов более подробно.

Асексуализация — это выраженная реакция отвержения стереотипов «всеобщности и необходимости сексуального поведения» и обязательности сексуальных отношений между симпатизирующими друг другу партнерами, несмотря на глубину и продолжительность их отношений. Асексуальность физически и психологически здоровых и уверенных в себе партнеров, которая не связана ни с импотенцией, ни с фригидностью, ни с религиозными обетами и запретами, по нашему мнению, может выступать в роли негативного ответа на декларируемую гиперсексуальность современного общества.

Термин «асексуальность» впервые появился в 2001 г., когда Дэвид Джей создал свой собственный сайт асексуалов Asexual Visibility and Education Network (AVEN) [14]. Цель данного сайта заключается в первую очередь в том, чтобы распространить информацию о понятии «асексуальность», а также объединить асексуалов и людей, которые близки к асексуальному мироощущению. На сегодняшний день сайт насчитывает около 60 тыс. зарегистрированных пользователей по всему миру, и число их постоянно растет. Возможно, это свидетельствует о том, что и асексуальность прогрессирует в своем распространении. Немаловажным моментом при этом кажется следующее обстоятельство: подобное поведение характерно для людей в самом активном репродуктивном возрасте от 20 до 40 лет и потому может оказывать существенное влияние на демографию современного человечества.

Асексуал, по определению данного сайта, «это человек, для которого сексуальные отношения аксиологически не окрашены»[Там же]. Асексуальные люди, по их собственной оценке, «освобождены от иллюзий сексуальной зависимости, они заявляют, что не имеют притязаний на обладание другим, не делают другого человека своей собственностью» [15]. Стоит уточнить, что асексуальность не обязательно предполагает отсутствие каких-либо любовно-интимных отношений, она отрицает лишь собственно физические сексуальные отношения. Профессор Энтони Богарт (Anthony Bogaert) из университета Брока в Канаде в своей книге «Understanding Asexuality» («Понимание асексуальности») утверждает, что асексуалы вполне могут иметь сексуальное желание и при этом не связывать его с каким-то определенным человеком либо с определенным поведением. Подобную асексуальность, по мнению части сексологов, необходимо рассматривать с точки зрения сексуальной ориентации, наряду с гетеросексуальностью, бисексуальностью и гомосексуальностью [13]. Таким образом, асексуальность в данном случае автором рассматривается как врожденное качество личности.

С нашей же точки зрения, есть основания рассматривать добровольную асексуальность и выраженный отказ от сексуальной жизни как приобретенное поведение, на возникновение и распространение которого повлияло несколько социокультурных факторов.

Итак, что же может приводить к проявлениям асексуальности в современном обществе? Мы предполагаем наличие трех значимых факторов, которые так или иначе, по нашему мнению, влияют на возрастание уровня асексуальности в обществе.

Во-первых, это исчезновение или ослабление многих социальных ограничений на сексуальное поведение. Существует мнение, что уровень желания находится в прямой зависимости от уровня запрета желаемого. Современный уровень культурных, общественных и даже религиозных запретов на сексуальность и сексуальные отношения во многих странах современного мира достаточно низок, и человеку практически не приходится размышлять над нормами морали и реакцией общественного мнения по поводу нарушения многих существовавших ранее сексуальных табу. По мнению некоторых ученых и общественных деятелей, человек стал «слишком свободен в своем сексуальном поведении» — в выборе сексуального партнера, формы любовно-интимных отношений и всего остального.

Не так давно в Европе, во времена, которые вошли в историю как «викторианская эпоха», было характерно явное подавление большинства сексуальных проявлений в публичной светской и даже частной жизни. Так, например, и для европейской культуры того времени обычным было суждение о женщине, которая демонстрировала кому-либо свои лодыжки, как о непристойной и падшей и провоцирующей соблазнение вполне достойных граждан. Вполне возможно, что религиозные табу и запреты играли в человеческих культурах важную роль не только в суровой регламентации сексуального поведения, но и в сохранении его притягательности и желанности не столько вопреки, сколько благодаря этим самым запретам.

Однако, благодаря влиянию на общественное мнение прогресса, просвещения и особенно сексуальной революции 1960-х, секс и сексуальность постепенно стали не только повседневными, но и открыто обсуждаемыми явлениями. Табуированное и глубоко интимное сексуальное поведение (как и обнаженное человеческое тело) оказалось «выпущенным на свободу» — перестало быть запретным плодом, вследствие чего его таинственность, притягательность и желанность стали быстро снижаться.

Конечно, это утверждение справедливо не для всех современных обществ, в мире все еще существуют страны, как, например, исламские государства, которые функционируют на основе коранических писаний и сунны мусульманского пророка Мухаммеда, где четко обозначены и регламентированы правила и нормы, касающиеся сексуальной жизни мусульман [10].

Избыточный уровень повседневной доступности сексуальных отношений можно считать во многом следствием отмены запретов, но он связан не столько с общественными запретами и табу, сколько с привычностью и обыденностью сексуального поведения на уровне индивидуальных взаимоотношений между

людьми. Раньше сексуальное поведение для большинства было доступно лишь в официальном браке, а для вступления в брак требовалось приложить немало усилий. Был высок уровень и личной ответственности за подобное решение, при этом собственно секс был немаловажным мотиватором всех подобных усилий. В современной же действительности добрачные, внебрачные и так называемые «гражданские» отношения стали нормой. Вследствие повышения уровня доступности сексуальное поведение сделалось настолько привычным для современного человека, что вызывает в нем пресыщение, порождая тем самым явление «асексуальности». Так же, как, например, в архаичных культурах тропиков, где мужчины и женщины ходят практически обнаженными и где сексуальная реакция соплеменников на это обнаженное тело физически отсутствует именно из-за привычности наготы. То же самое нередко наблюдается и в современном обществе на пляжах приверженцев нудизма.

Второй причиной распространения асексуальности может быть низкий уровень сексуальной культуры. У молодых, сексуально активных людей нередко наблюдается полное отсутствие физической и психологической готовности к тому уровню сексуальной жизни, на который они рассчитывают под влиянием популярных источников информации. Фактором нового времени, разрушающим интимные отношения, все чаще становится индивидуальный страх перед сексом, который проявляется как страх разочарования и невозможности самореализации в близости. Трудности взаимопонимания, эгоцентризм, личностная незрелость и низкий уровень знаний даже о собственном организме — все это ставит человека в ситуацию беспомощности и неготовности к действительно серьезным и полноценным отношениям. Попытки заменить любовь сексом, как чисто технической практикой, нередко приводят к глубокому психологическому выгоранию и депрессиям. Люди в этом случае ждут от секса значительно большего, чем он может дать, и, не получив желаемого, разочаровываются. Обсудить же свои проблемы с близким человеком им кажется стыдным и неудобным. Понимание того, что в подобных ситуациях мог бы помочь специалист, есть далеко не у каждого. К сожалению, и сами специалисты нередко бывают излишне резки и откровенны, вплоть до циничности, превращая ситуацию из межличностной в сугубо медицинскую. Новая культура бережного отношения к становлению и развитию человеческой сексуальности и интимности в современных условиях огромных потоков информации пока не сформирована, и личность нередко пытается защитить свои глубокие индивидуальные переживания самыми разными способами — в том числе и скрытым или демонстративным избеганием сексуальных отношений.

И наконец, третьим фактором, по нашему мнению, является навязчивая и даже агрессивная секс-индустрия. На сегодняшний день неоспоримым фактом выступает то, что произошла эротизация массовой культуры. Эротика во многом перестала быть таинственным и волнующим предметом искусства и философских исканий. Она являет собой мощный и эффективный инструмент манипуляций на современном рынке, стала привычным способом сбыта самой разной продукции. Всевозможные средства массовой информации, киноиндустрия, искусство переполнены сексуальными образами и сексуальными мифами, заполняющими

жизнь и сознание индивидов. И связано это, на наш взгляд, не столько с тем, что произошла отмена религиозных табу и эволюция морали, но в первую очередь с потребностью властной части общества найти удобные и эффективные средства управления огромными массами людей. Базовые инстинкты — голод, страх, секс — лежат в основе мощнейших технологий политического воздействия.

«Либидинальная экономика», по мнению Ж. Ф. Лиотара, это экономическая политика, направленная на получение выгоды за счет эротизации и всеобщей сексуализации, где сексуальное становится коммерческим товаром массового потребления. При этом происходит изменение отношения человека к сексу; теперь секс позиционируется не столько как любовное и репродуктивное поведение, но скорее как технологии релаксации, коммуникации, получения удовольствия и развлечения — а в первую очередь как способ снятия личной и общественной напряженности и отвлечение человека от тяжелых жизненных размышлений. Такое сексуальное поведение грозит превратиться в зависимость, подобно перееданию и алкоголю. Однако слишком агрессивное навязывание любого товара может привести и к его отторжению, вызвать состояние как бессознательного, так и осознанного протеста против подобных манипуляций.

Обратимся ко второй отмеченной нами тенденции — андрогинизации общества. В современной культуре, по данным многочисленных исследований, наблюдаются тенденции к нивелированию половых различий и уменьшению психологического диморфизма. В соответствии с концепцией Сандры Бем высокая выраженность мужских и женских моделей поведения в структуре личностных характеристик одного и того же индивида называется андрогинностью [6, *513*] или андрогинией [16].

За первые десятилетия XXI в. многие исследователи самых разных направлений отмечают затухание ярко выраженной оппозиции между маскулинностью и феминностью как диаметрально противоположными характеристиками личности. Во многом все более очевидно стирание резких границ между традиционными гендерными ролями и функциями мужчин и женщин в социальной жизни, существенное смешение этих качеств [3, 7–9, 11].

Андрогинизация проявляется, с одной стороны, в психологической «маскулинизации» женщин, в демонстрации ими общественной активности, решительности, агрессивности, стремления к доминированию и многих других выраженных черт, традиционно приписываемых мужчинам. С другой стороны, андрогинизация выражена и в «феминизации» мужчин, т. е. в появлении у них характеристик и моделей поведения, считавшихся прежде сугубо женскими: это снижение уверенности в себе, повышение сензитивности и эмоциональности, а также психологической гибкости и зависимости от мнения других. В 90-е гг. XX в. возникло и активно стало развиваться направление в моде, обозначенное как «унисекс». Это направление характеризуется полным отсутствием любых признаков, указывающих на принадлежность владельцев вещей к мужскому или женскому полу.

Человек в стиле унисекс нередко идентифицирует себя как «агендер» или «бигендер», определяющие себя как «третий» пол, либо как «единое целое, а не пол — как половина чего бы то ни было». Данная идентификация как ответ на

вопрос «кто Я?» может отражаться не только в моде, но и в сознании, поведении и образе жизни человека. Одни авторы утверждают, что это происходит в силу того, что обществу потребления удобно «усреднить» людей до массовых потребителей, стандартных и безликих, «ведь массовое производство неизмеримо выгоднее индивидуального» [2, *78*]. Другие убеждены, что обретение и проявление индивидуальной неповторимости может происходить не только в рамках двух полностью альтернативных половых моделей, но и во всем разнообразии пестрой гендерной мозаики психологических черт [7].

Эволюционно мужское и женское поведение, как полные альтернативы, были следствием приспособления к уже ушедшей от нас реальности глубокого разделения экологических ролей в первичном социуме. Там, где основная роль женщин — воспроизводство потомства, а мужчин — бесконечные конфликты за территорию кормления и размножения, там, разумеется, резкая психологическая дифференциация на жесткое, грубое, активное и агрессивное мужское начало и нежное, тихое, пассиво-умиротворяющее женское было неизбежностью. Первое воспринималось как сильное, второе — как слабое. Но такое разделение ролей и функций уже давно вытесняется новыми реалиями, задачи стоящие перед мужчинами и женщинами сейчас гораздо разнообразней. Поэтому и типы мужского и женского поведения тоже стали вариабельнее, по-новому сочетаясь и дополняя друг друга. Функциональных ниш для разных видов деятельности внутри современного культурного пространства появилось больше, но и конкуренция за наиболее выгодные ниши стала существенно выше не только среди представителей одного пола, но и между полами, отсюда возникновение новой комбинации социально желательных черт, которая в сравнении с прежними, резко альтернативными, воспринимается, как «андрогинная».

В 2013 г. нами было проведено эмпирическое исследование, посвященное анализу степени выраженности феминнных и маскулинных черт на современной молодежной выборке. В данном исследовании в качестве респондентов приняли участие 56 гетеросексуальных пар (112 человек) в возрасте от 18 до 26 лет, которые устойчиво от 1 года до 7 лет поддерживают близкие любовно-интимные отношения, но при этом не состоят в браке, не ведут совместное хозяйство и не имеют общих детей. Им было предложено оценить себя и своего партнера по пунктам полоролевого опросника Сандры Бем, а также ответить на пункты Анкеты качества межличностных отношений (Е. С. Иванова, К. С. Копытова), которая включает в себя вопрос об удовлетворенности сексуальными отношениями с партнером [4–6].

В процессе анализа полученных данных вся выборка была разделена нами на три группы. Критерием для деления была продолжительность отношений. Таким образом, мы получили следующие группы:

первая группа — от 1 до 1,5 года (20 пар);

вторая группа — от 1,5 года до 4 лет (18 пар);

третья группа — от 4 лет и более (18 пар).

В основе данного разделения лежит модель М. А. Абалакиной, касающаяся соотношения процессов межличностного восприятия и динамики добрачных

отношений. В данной модели представлены три стадии позитивного развития добрачных отношений. Стоит отметить, что для каждой конкретной пары характерна своя динамика отношений, поэтому границы стадий достаточно условны. Нельзя однозначно определить точный момент, когда пара переходит от одной стадии развития отношений к другой [1].

Что касается роли сексуальных отношений в устойчивости существования пары, то можно отметить следующее. Так как удовлетворенность сексуальными отношениями оценивалась партнерами по 4-балльной шкале (где 4 балла соответствовали высокой удовлетворенности, а 1 балл — низкой), то наиболее высокий уровень взаимной удовлетворенности соответствует показателю 4/4. Нами была оценена согласованность ответов в каждой из пар. В результате анализа по всей выборке установлено, что из всех 56 пар полную согласованность в оценке удовлетворенности сексуальной жизнью имеют 60,7 % пар, 21,4 % имеют различие в ответах в 1 балл, 12,5 % — в 2 балла, 5,4 % — в 3 балла соответственно.

Что же касается взаимосвязи между степенью удовлетворенности сексуальными отношениями и продолжительностью существования пары, то здесь наблюдается очень интересная тенденция. В группе начинающих свои отношения (1–1,5 года) наблюдается наименьший разброс вариантов оценок взаимной удовлетворенностью сексуальной жизнью. Большинство партнеров (12 пар из 20) отметили, что они полностью и взаимно удовлетворены сексуальными отношениями в паре (4/4), а в остальных случаях полностью удовлетворенным оказывался хотя бы один человек из пары (рис. 1). Во второй группе (от 1,5 года до 4 лет отношений) вариативность оценок возрастает, хотя общий уровень удовлетворенности все равно достаточно высок. А вот в третьей группе (от 4 до 7 лет) не только спектр мнений существенно разнообразней (и вариантов сочетаний оценок в два раза больше, чем в первой группе), но и полностью взаимно удовлетворенных пар оказывается только 7 из 18 (38 %). В третьей группе встречаются пары, где оба партнера крайне мало удовлетворены сексуальными отношениями (1/2), однако отношения и в этих парах продолжаются. При этом испытуемых (еще очень молодых людей) не связывают ни брачные узы, ни совместные обязательства перед детьми, значит, эти пары удерживает не острое взаимное сексуальное влечение и даже не супружеский или родительский долг, а что-то иное, не менее важное для построения продолжительных отношений в паре.

Та же тенденция выявляется и при анализе индивидуальной удовлетворенности опрошенных (рис. 2). В первой и во второй группах показатели сексуальной удовлетворенности существенно выше, чем в третьей. Полностью удовлетворенными в этих двух группах оказались до 80 % опрошенных, а полностью неудовлетворенных было менее 3 %.

В третьей группе (при стаже отношений 4–7 лет) полностью удовлетворенных было менее 53 %, а полностью неудовлетворенных — более 8 %. Нами была выявлена значимая отрицательная корреляция (по Пирсону) между уровнем сексуальной удовлетворенности и продолжительностью отношений в паре. На общей выборке в 112 человек ее показатель составляет 0,23 и превышает критическое значение для данного объема выборки на уровне значимости 0,95 (0,20).

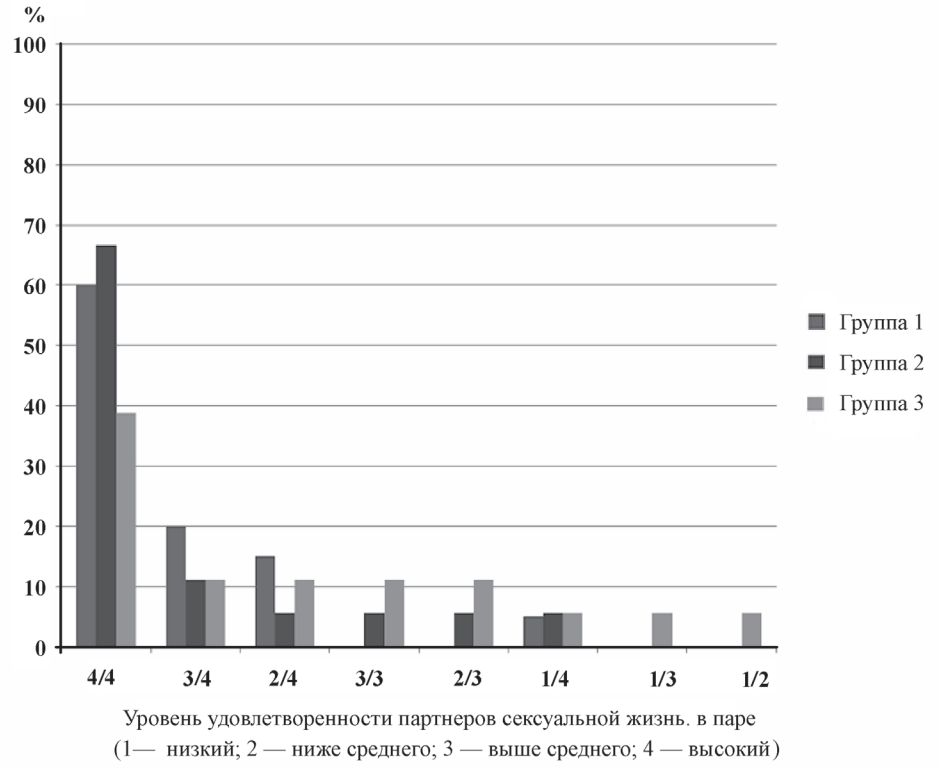

Рис. 1. Распределение пар по типам взаимной удовлетворенности сексуальной жизнью

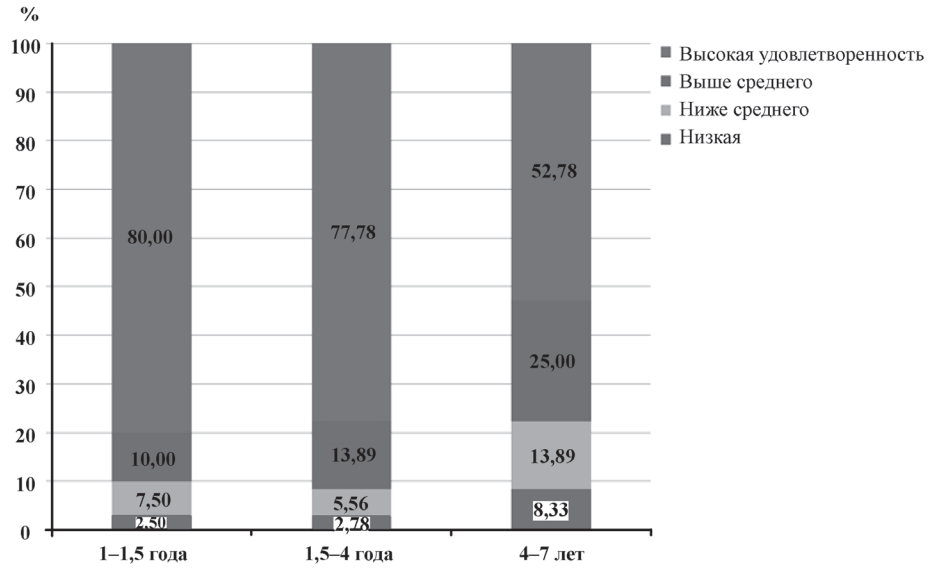

Рис. 2. Процентное соотношение индивидуальной удовлетворенности сексуальной жизнью в зависимости от продолжительности существования пары

Таким образом, можно говорить о том, что тенденция к некоторой асексуализации отношений выявляется и на нашей собранной случайным образом выборке, которая по возрасту должна соответствовать наиболее активному в сексуальном и репродуктивном плане периоду жизни.

Подчеркнем, что в нашем исследовании принимали участие вовсе не те, кто позиционируют себя как асексуалы, а самые обычные юноши и девушки, считающие себя парой, связанной устойчивыми близкими отношениями. Получается, что вклад сексуальной составляющей в устойчивость и продолжительность существования пары является не таким уж решающим фактором.

Результаты анализа распределений гендерной психологической дифференциации по полу, полученные при помощи теста С. Бем, также оказались в русле описанной выше тенденции стирания психологических границ между полами. В целом и мужчины, и женщины оценили и себя, и своих партнеров как психологических андрогинов, и разница между распределениями индексов «феминность — маскулинность» между мужчинами и женщинами не является существенной (рис. 3, 4).

Для анализа согласованности ответов в парах был проведен расчет коэффициентов скоординированности, которые составили 71 % для мужчин и 74 % для женщин (рис. 5).

Данные показатели говорят о большой согласованности ответов в парах испытуемых. Следовательно, мнения испытуемых о самих себе по большей части совпадают с мнением партнеров о них. И мужчины, и женщины явно оценивают и самих себя, и своих партнеров в большинстве случаев как андрогинных

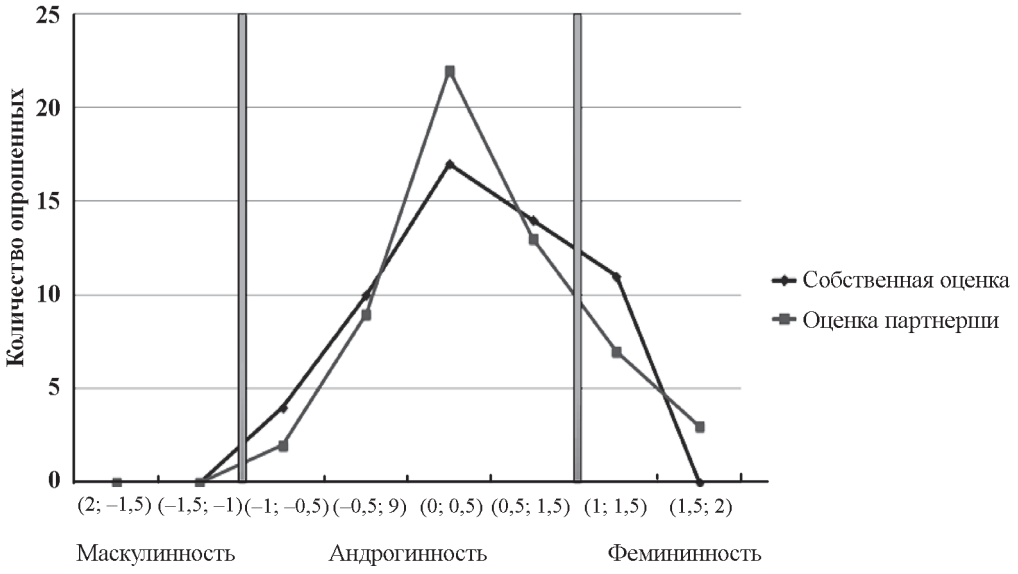

Рис. 3. Распределение показателей индекса «феминность — маскулинность» по тесту С. Бем в выборке женщин

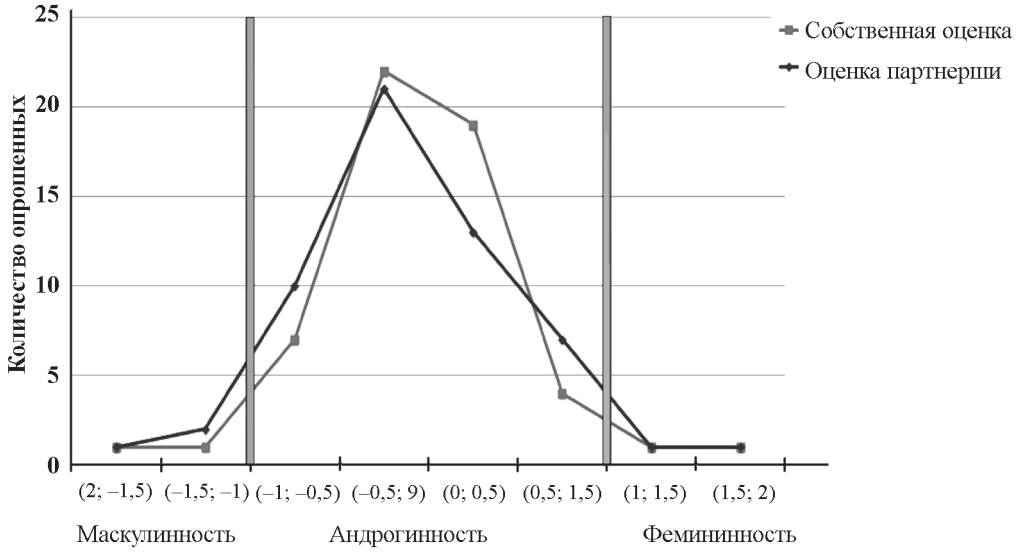

Рис. 4. Распределение показателей индекса «феминность — маскулинность» по тесту С. Бем в выборке мужчин

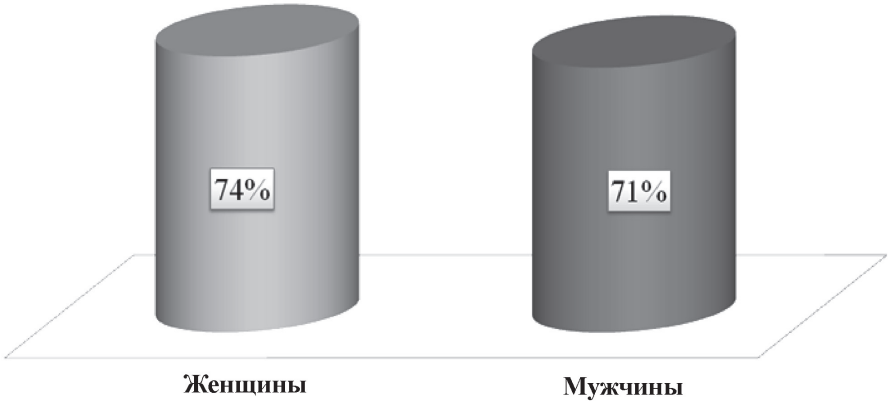

Рис. 5. Показатели коэффициента скоординированности Кендалла

личностей. При этом можно отметить, что при оценке мужчинами самих себя наблюдается некоторый сдвиг оценки в сторону феминности, который выражен у них даже больше, чем в оценке этих же мужчин со стороны их партнерш.

Итак, представленное исследование может наглядно иллюстрировать наше предположение о том, что в современном обществе присутствует тенденция встречной андрогинизации мужчин и женщин, при которой происходит стирание психологической границы между полами.

Следует отметить, что андрогинизация и асексуализация особенно заметно проявляются в последние 10–15 лет. Оба этих феномена могут являться как внешним выражением «либидинальных» влияний современной массовой культуры, так и результатом социальной адаптации индивидов (вне зависимости от их биологического пола) к условиям информационного и технического прогресса, являясь новым эволюционным трендом социогенеза.

Имеют ли асексуализация и андрогинизация характер временный, спровоцированный разнообразными воздействиями со стороны СМИ, моды и искусства, либо они выступают внешним проявлением глубоких перестроек человеческой природы? Нам думается, это можно установить лишь в результате обширных комплексных исследований социальной и индивидуальной составляющих этих явлений с привлечением современных генетических, психофизиологических и нейропсихологических методов и технологий.

---

1. *Абалакина М. А., Агеев В. С.* Анатомия взаимопонимания. М., 1990.
2. *Вальцев С. В.* Закат человечества. М., 2008.
3. *Знаков В. В.* Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психолог. журн. 2004. № 1. С. 41–51.
4. *Иванова Е. Ф.* Гендерные исследования в психологии // Введение в гендерные исследования : учеб. пособие. Ч. 1 / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, 2001 ; СПб., 2001.
5. *Иванова Е. С., Копытина К. С.* Факторы устойчивости отношений в парах // Семья в системе ценностных ориентаций современной молодежи : материалы всерос. науч.-практ. конф. Астрахань, 2011.
6. *Ильин Е. П.* Дифференциальная психология мужчины и женщины. СПб., 2003.
7. *Клецина И. С.* Психология гендерных отношений: теория практика : моногр. СПб., 2004.
8. Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Этнограф. обозрение. 2010. № 6
9. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009.
10. Коран. 1990.
11. *Лопухова О. Г.* Психологический пол личности: адаптация диагностической методики // Прикладная психология. 2001. № 3. С. 57–66.
12. *Сидоров П. И., Дерягин Г. Б.* Сексуальное поведение и насилие. М., 2007.
13. *Bogaert A. F.* Understanding Asexuality. Rowman & Littlefield Publishers, 2012.
14. AVEN: the Asexual Visibility and Education Network : [сайт для асексуалов (англозычный)]. URL: http://www.asexuality.org/home/ (дата обращения 30.04.2015).
15. AVEN: Российское сообщество асексуалов : [сайт для асексуалов (русскоязычный)]. URL: http://ru.asexuality.org/?id=2_2 (дата обращения: 30.04.2015).
16. Словарь гендерных терминов / ред. А. А. Денисова [Электронный ресурс]. URL: http://www.owl.ru/gender/002.htm (дата обращения 30.04.2015).

Рукопись поступила в редакцию 30 марта 2015 г.